

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-133-139

**Феномен природной среды обитания человека
сквозь призму истории и культуры:
монография А.Н. Мещерякова
«Terra Nipponica:
среда обитания и среда воображения»**

Е.М. Османов

Аннотация. В монографии А.Н. Мещерякова «Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения» основной акцент сделан на описании восприятия японцами окружающей их природной среды обитания. Анализируя большое количество источников разных исторических эпох, автор впервые в мировой японистике попытался рассмотреть эволюцию взглядов японцев на природу на протяжении всей истории Страны восходящего солнца. В центре внимания работы – анализ окружающей среды, ее размера и качества, а также – попытка проследить влияние различных природных катаклизмов на формирование картины мира. Кроме того, в монографии рассмотрены различные модели природы, нашедшие свое отражение в поэзии, садах, философских трактатах, публицистике. Значительное внимание уделено такому аспекту, как рассмотрение природы в качестве средства самоидентификации японцев.

Ключевые слова: природная среда обитания японцев, природа в жизни японцев, сады, природа и национальный характер, природные катастрофы, природа и поэзия.

Автор: Османов Евгений Магомедович, кандидат исторических наук, доцент Кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки, Восточный факультет, Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ) (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11); ORCID: 0000-0003-2520-5187. E-mail: osmanov1979@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Османов Е.М. Феномен природной среды обитания человека сквозь призму истории и культуры: монография А.Н.Мещерякова «Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения» // Японские исследования. 2023. № 4. С. 133–139. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-133-139

**The phenomenon of the human natural habitat
through the prism of history and culture:
Monograph “Terra Nipponica:
Habitat and Imagination Environment”
by Alexander Meshcheryakov**

E.M. Osmanov

Abstract. The monograph by A.N. Meshcheryakov “Terra Nipponica: Habitat and Environment of Imagination” focuses on the description of the Japanese people’s perception of their natural habitat. Analyzing a large number of sources from different historical eras, the author, for the first time in world Japanese studies, tried to consider the evolution of the Japanese views on nature throughout the history of the country. The focus of the work is the analysis of the environment, its size and quality, as well as an attempt to trace the influence of various natural disasters on the formation of a picture of the world. In addition, the monograph examines various models of nature, which are reflected in poetry, gardens, philosophical treatises, and journalism. Considerable attention is paid to the consideration of nature as a means of self-identification of the Japanese.

Keywords: Natural habitat of the Japanese, nature in the life of the Japanese, gardens, nature and national character, natural disasters, nature and poetry.

Author: *Osmanov Evgeny M.*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University (SPbSU) (address: 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 11); ORCID: 0000-0003-2520-5187. E-mail: osmanov1979@mail.ru

For citation: Osmanov, E.M. (2023). Fenomen prirodnoi sredy obitaniya cheloveka skvoz’ prizmu istorii i kul’tury: monografiya A.N.Meshcheryakova «Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniya» [The phenomenon of the human natural habitat through the prism of history and culture: monograph “Terra Nipponica: Habitat and Imagination Environment” by Alexander Meshcheryakov]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 133–139. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-133-139

Если бы природа не была прекрасной,
она не стоила бы того, чтобы быть познанной,
жизнь не стоила бы того, чтобы быть прожитой.
(Пуанкаре)

В современном ритме жизни городского человека нередко его связь с природой становится неочевидной и незыблемая догма «человек – часть природы» теряет свое смысловое наполнение. По-прежнему многие руководствуются популярными в советскую эпоху лозунгами: «Человек – царь природы», «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача». Современный человек, пользующийся всеми благами и достижениями цивилизации, не ощущает свою зависимость от окружающей среды и связь с ней, не осознает, что без природы, без использования ее ресурсов, он просто не сможет существовать физически. Природа всегда была и остается основой и источником жизни человека. Связь человека с природой не ограничивается только потреблением ее ресурсов. По отношению к человеку окружающий его мир выполняет ряд крайне важных функций, связанных с удовлетворением самых разнообразных потребностей, в числе которых экологическая, экономическая, эстетическая, рекреационная, научная, культурная.

Особую связь природы и человека можно проследить на примере Японии, где на протяжении многих столетий формировался свой особый тип взаимоотношений с окружающим миром. Главным отличием японского восприятия окружающей действительности является не столько решимость покорять природу, сколько стремление жить в согласии с ней. Это нашло отражение практически во всех сферах японского искусства, литературы, повседневной жизни.

Уже в период Яёй (III в. до н.э. – III в.) началось формирование синто, особенной частью традиции которого является поклонение природным объектам, за каждым из которых стоит свое божество-ками. Естественно, что, как и многие первобытные верования, синто – порождение обожествления природы. Но специфической особенностью этого обожествления был не страх перед непонятными человеку того времени природными явлениями, а, скорее, чувство восхищения и благодарности природе, которая чаще бывает щедрой и миролюбивой, нежели вспыльчивой и агрессивной. Можно уверенно сказать, что именно синто закладывает в душах японцев любовь к природе, умение наслаждаться ее самыми незначительными переменами и нюансами, которые зачастую ускользают от взгляда человека других культур.

Многие виды популярных и сегодня японских традиций и увлечений неразрывно связаны с природой. Это и традиционные искусства (бонсай, икэбана), любование природой (ханами, цукими), стремление сохранить первозданную красоту и сущность при изготовлении ремесленных изделий (фарфор, дерево), сохранить вид и вкусовые качества продукта при приготовлении.

Таким образом, далеко не случайно, что именно природа и ее отражение в культурной и исторической ретроспективе стала предметом рассмотрения в работе известнейшего японоведа А.Н. Мещерякова. Его монография представляет собой попытку реконструкции картины мира традиционной Японии и определения места, которое занимала в этом мире природная среда обитания. Все это, по меткому выражению автора, «дает возможность ощутить всю относительность нашего собственного бытия, умерить наш проповеднический пыл, смешаться с пылью истории».

Изложение материала в монографии идет в хронологическом порядке, хотя, вследствие оригинального авторского стиля письма, это не всегда очевидно. За довольно обширным введением, в котором автор рассматривает проблемы восприятия, приспособления и практического освоения японцами природного пространства, а также теоретическое осмысление ими природной среды обитания и ее моделирование, следуют четыре главы, каждая из которых отражает природные представления японцев в тот или иной исторический период.

Первая глава, «Большая страна из восьми островов», акцентирует внимание на этапе становления японской государственности и расцвета «государства законов». В этот период в японском обществе преобладали весьма оптимистичные настроения, что, естественно, отразилось и во взаимоотношении с природой, и в ее восприятии. Весьма оригинальные названия подразделов в полной мере отражают суть складывающейся картины мира. Создавая свое государство по образцу Китая, японцы переняли и китайскую модель мироустройства, поставив в центр мира, естественно, себя, а не Китай. Процесс освоения территории архипелага сопровождался установлением более глубоких отношений с природным окружением, что сказывалось не только в выборе наиболее благоприятных мест для поселения, но и в закреплении особой роли и статуса правителя. Император воспринимался как посредник между земными и небесными делами, на плечах которого лежала ответственность за баланс природных сил, «нормальное» течение природных и социальных процессов. Это в полной мере выразилось в разработке различных ритуалов в синтоистских святилищах и буддийских храмах, призванных восстановить природный баланс после какой-либо природной катастрофы (наводнение, засуха, землетрясение). Связка «государь – природа» образовывала в сознании

древних японцев нерасторжимую пару. Описание природных аномалий – это порицание власти, похвала природе – это похвала государю (с. 84). Цели ассоциации образа государя в сознании подданных с благоприятными природными явлениями служило и воспевание природы, в основном в поэтической форме. Для этого устраивались поэтические турниры, ведущим элементом которых была именно природная тематика. Отражение этого можно увидеть в т. н. императорских антологиях, значительное место отводивших стихам природного цикла, с соблюдением сезонной очередности (разнесение по рубрикам в соответствии с временами года). Завершающий раздел данной главы посвящен вопросу «приручения» пространства, что нашло отражение в создании миниатюрных копий дикой природы – разбивке садов, основными элементами которых являлись вода, камень, растительность. С одной стороны, сад – модель идеального пространства, его действующий «макет», он репрезентирует это пространство (с. 118), а с другой стороны – прочно изолирует и защищает человека от дикой и опасной природы. Поэтому неслучайно, что присущая современным садам функция любования природой изначально не была основополагающей. Основная задача сада – организовать пространство в соответствии с принципами геомантии, что вселяет чувство безопасности, умиротворенности и спокойствия.

Следующая глава монографии – «Страна островов с просяное зернышко» – посвящена восприятию природы в исторический период, когда на смену оптимистическому взгляду на средообитания приходят пессимистические настроения, вызванные крахом централизованного государства и началом кровавых междоусобиц. И сама территория Японии и окружающая японцев природа и природные явления начинают восприниматься весьма негативно. В этот период государь утрачивает контроль как за временем, так и за пространством своей страны. На авансцену выходят природные бедствия (землетрясения, ураганы, засуха), что, следуя сложившейся японской логике мировосприятия, означало крах всей системы. Территория Японии начинает восприниматься как крошечные и плохо приспособленные для жизни островки, удаленные от центров цивилизации, разрозненные, не подчиняющиеся центру. Автор отмечает, что «если раньше случавшиеся природные бедствия непременно вызывали ответную реакцию центральной власти (как практическую, так и ритуальную), то теперь это наблюдается в гораздо меньшей степени – уже со второй половины X в. видно, что помощь пострадавшим со стороны властей оказывается все реже и реже» (с. 155). В ситуации, когда возможности по контролю над страной значительно сократились, перестали составляться как официальные хроники, так и императорские поэтические антологии, по мере ослабления власти страна все больше сжималась в плане возможностей контроля за пространством. Сохранившиеся дневники отражают ужас авторов перед будущим, постоянным ожиданием ухудшения ситуации. Ожидание «конца света», который неизбежно должен постигнуть Японию, коррелировало с незавидными географическими характеристиками крошечности и уязвимости страны. Таким образом, пессимистическое отношение к устоям государства находило свое отражение и в оценке среды обитания, сказывалось на восприятии размеров страны и ее географического положения. Однако такой пессимизм не был всеохватывающим, имелось немало и сторонников более оптимистической позиции. Для части общества крошечная Япония была идеальным буддийским пространством, а с позиции синто – страной божеств, находящейся под их надежной защитой. Как полагали люди той поры, при условии отправления соответствующих ритуалов синтоистские божества способны изгонять скверну. На этом фоне полноценным элементом бытия выступала поэзия, предоставляющая возможность для полноценного любования природой. Но хотя стихи по-прежнему являлись средством для приведения среды обитания в гармоничное состояние и в них доминировала природно-сезонная особенность, они закрепляли характерную тенденцию – сужение осваиваемого пространства, сокращение географического разнообразия. Определенные изменения происходят в устройстве и семантике садов, которые, вследствие кризиса

государства и фрагментации общества, когда интересы коллективные были потеснены интересами личными, стали восприниматься в контексте амидаистских верований как модель рая. В то же самое время неизменной осталась главная функция сада – создание модели идеальной природной среды, безопасной для человека и благоволящей ему. В этом ключе сад воспринимался как идеальная среда обитания, моделирующая идеальную природу. Японская культура в значительной степени выстраивала себя через садово-растительный код. С помощью этого кода описывается и мироздание, и жизнь отдельного человека (с. 217). Сооружение земной копии рая в виде сада считалось делом, угодным буддам. Поэтому задача садовника заключалась в том, чтобы создать именно такое замкнутое пространство, которое воплощало бы идеальные представления о среде обитания и отражало весь цикл смены времен года. С одной стороны, люди находили в изменчивости красоту, а с другой – ощущали непостоянство этого мира.

Акцент третьей главы сделан на восприятии окружающей среды в эпоху Токугава (1603–1867). На этом этапе японской истории, когда в стране снова воцаряется мир и порядок, происходят и изменения в трактовке среды обитания, японские острова вновь начинают восприниматься как достаточно обширные и обладающие благоприятными природными характеристиками. Ослабление главенствующей роли буддизма и принятие в качестве официальной идеологии неоконфуцианства, стремление создать подобие императорской столицы Киото в новой столице Бакуфу, городе Эдо, изменение стиля и ритма жизни, сознательный переход к политике самоизоляции – все это отражается на восприятии окружающей действительности. В этот период Япония позиционируется как страна счастья и благоденствия, а задача мудрого правителя заключается в том, чтобы, используя и учитывая природные свойства людей, обратить их на улучшение этой природности. Восхваление своей страны и негативное отношение к другим странам стало важной составляющей исторического и политического дискурсов периода Эдо. Во главу угла этих рассуждений известные мыслители (Хирата Ацутанэ, Мотоори Норинага, Кумадзава Бандзан, Нисикава Дзёкэн) ставили тезис, что превосходство Японии над другими странами обусловлено божественным происхождением страны. Автор убедительно указывает, что «реанимация конфуцианской картины мира, в которой актуализирована прямая связь между природными условиями и жизнью государства (общества), означала возрождение тех взглядов на природу и общество, для которых характерен крайний географический детерминизм – убеждение в существовании прямой корреляции между природной средой обитания и «качеством» людей, населяющих эту землю» (с. 247). Распространение тезиса о «божественности» Японии с ее уникальными особенностями приводят к высокой оценке и ее отдельных природных объектов, которая в эту эпоху приобретает гиперболические формы.

Отражением этого стало увеличение числа паломников в «знаменитые места» (мэйсё), список которых также значительно расширился, а воспевание их красоты приняло повальный характер. Отдельно стоит сказать и об увеличении роли священной горы Фудзи, которая стала выступать в качестве доказательства непревзойденных качеств японской земли. В оптимистичных взглядах эпохи Токугава возвеличивались не только природные особенности Японии, но и жизнь ее обитателей. Акцент сместился на радости земного бытия, человеческая жизнь перестает пониматься как юдоль печали. Источником радости стала именно природа, цветы и луна сделались эквивалентом изящного. В стихосложении появился новый жанр – хайку, значительно расширивший перечень объектов, отображаемых в поэзии, в которую прочно вошел быт. Описываемый период также характеризуется широчайшим развитием садово-паркового искусства. И если раньше сад выступал в качестве защиты от агрессивной и опасной дикой природы, сады нового времени стали воплощением радостного и жизнеутверждающего мирозерцания. Автор монографии акцентирует внимание, на том, что «если оценивать в целом восприятие природной среды обитания в период Токугава, то следует признать, что

она характеризовалась в качестве чрезвычайно благоприятной для проживания – как с точки зрения положения в мире, так и с точки зрения изобильности и климата. Считалось, что эти благоприятные условия порождали «несравненный» тип государства, общества, человека, морали. Связка «земля – люди» осмыслялась как однозначная и жесткая, она обеспечивала условия для оптимистического восприятия жизни и была хорошо приспособлена для автаркического существования» (с. 273).

Заключительная глава монографии начинается с периода Мэйдзи (1868–1912), в начальный период которого господствовали пессимистические настроения, связанные с осознанием бессилия Японии перед мощью Запада, что нашло отражение в восприятии Японии вновь как крошечной островной страны. Однако по мере продвижения успешных реформ и роста военного потенциала Японии, Страна восходящего солнца начинает позиционировать себя как многонациональную державу, земля и климат которой являются самыми благодатными в мире. Именно в период Мэйдзи происходит переосмысление всего предыдущего исторического и культурного опыта Японии, а сам император, отказавшись от ответственности за поведение природы, по-прежнему оставался «хозяином времени». Но, как справедливо подчеркивает автор, это было уже не столько время циклическое (времена года), сколько время линейное (с. 304). Поведение природы начинает восприниматься как автономное от поведения человека, а возникающие природные катаклизмы объясняются не «волей неба», а реальными научными выкладками. Тем не менее, хотя император не брал на себя ответственность за природу, его подданные, для которых он являлся живым олицетворением жизнепомогающих природных сил, по инерции все равно соотносили его с ней. В период Мэйдзи Япония, стремясь встать в один ряд с ведущими державами того времени, приступает к проведению колониальной внешней политики, расширению «крошечной» территории. На этом пути море, которое в предыдущий период служило естественным барьером, защищавшим Японию от внешнего влияния, стало восприниматься как важнейшая среда для коммуникации, дающая возможность выхода на материк.

Вступив в гонку с Западом, Япония, ощущая свою научно-техническую отсталость, сделала упор на природу, которая вызывала восхищение европейцев. Нельзя не согласиться с автором, отмечающим: «Природа Японии производила на европейцев глубокое впечатление, и японцы, почувствовав облегчение, приступили к осуществлению национального проекта под названием «Природа Японии». Он предназначался прежде всего для самих японцев: они остро нуждались в предмете гордости, который мог бы избавить их от комплекса неполноценности и поднять настроение. Кроме того, природа много значила в деле достижения национального консенсуса. И если политические идеи и лидеры служили предметом для ожесточенных споров, то природу любили все японцы. Это был беспроигрышный вариант» (с. 334). Описанию природы Японии и ее уникальности посвящена тщательно проанализированная автором работа Сига Сигэтака «Японский ландшафт», получившая огромную популярность в Японии на рубеже XIX–XX вв. Широко распространенная среди японцев сегодня идея, что они обладают особой цветочувствительностью, имеет истоком именно книгу Сига Сигэтака. Следуя новой традиции, малые культуроформы моделирования природной среды отходят на второй план, а на авансцену выходят крупные природные объекты. В основе труда Сига лежал традиционный для Японии географический детерминизм: земля Японии прекрасна, а потому ее ожидает блистательное будущее. По мере усиления Японии и умножения ее военных побед, а особенно после присоединения Кореи, японцы окончательно перестали смотреть на свою страну как маленькую и ущербную. Япония превращалась в вышедшую на материк империю и всячески старалась найти и приспособить для себя характерные атрибуты империй. Особое значение в этот период приобрела полемика относительно этногенеза японцев и полиэтничности населения, о чем, опираясь на материалы японских школьных учебников по истории, автор монографии говорит достаточно подробно и убедительно.

В то же время быстро меняющиеся реалии жизни требовали и скорейшей адаптации традиционной японской культуры, которая была слабо приспособлена для новой концепции разворачивающегося пространства. Японцы, которые ранее уделяли первостепенное внимание малому, теперь должны были переориентироваться на большие проекты, требующие большого пространства. Одним из примеров такого рода автор справедливо называет изменение подхода к традиционному садовому искусству. Появляются сады нового типа, ведущая роль в их создании принадлежит государству. Сад-парк являл теперь собой не столько модель идеальной природы, сколько модель империи, продукта целиком антропогенного. Одним из примеров такого общественного парка автор называет Уэно, который стал центром проведения японских промышленных выставок. Таким образом, «сад превращался в пространство, которое государство «метило» всеми доступными для него способами. С помощью этих меток оно внедряло в сознание подданных важные для его функционирования ценности, формировало новую картину мира, превращало сад в хранилище многочисленных достопримечательностей («мэйсё»), не имевших отношения к собственно природе» (с. 403). В новую эпоху неотъемлемыми чертами восприятия природы Японии стали ее многообразие и богатство, во главу угла стал ставиться концепт – «уникально красивая и многообразная земля – уникально чувствительные люди – удивительно тонкое искусство».

Таким образом, в представленной монографии прослеживается весь исторически путь взаимодействия японцев с окружающей средой, перипетии ее восприятия и попытки приспособления под собственные нужды. Книга представляет собой весьма ценное исследование, не только позволяет читателю взглянуть на прошлое, но и дает понимание отношения к окружающему пространству современных жителей японских островов, где, все чаще и чаще можно услышать не только дифирамбы природе Японии, но и призывы к ее антропогенному улучшению. В современном урбанистическом обществе человек во многом утрачивает свой контакт с природой, она уже почти не оказывает влияния на его повседневную жизнь. Тем не менее, даже в новых жизненных условиях японцы стремятся продемонстрировать свою неразрывную историческую связь с природой.

Невозможно не согласиться с автором, пишущим в завершении монографии, что «призывы создать страну-сад находят отклик в душе любого человека. Однако реалии жизни безжалостны. С токийской телебашни мы наблюдаем бескрайний город с редкими пятнышками зелени. Если это и сад, то сад бетона. И только развитое поэтическое воображение может увидеть за нагромождением небоскребов традиционный сад камней» (с. 441).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения / Александр Мещеряков. 2-е изд., испр. Москва: Лингвистика. 2022. 443 с. ISBN 978-5-91922-113-5.

REFERENCES

Mescheryakov A. (2022) Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniya [Terra Nipponica: Living Environment and the Environment of Imagination]. Moscow: Lingvistika. (In Russian). ISBN 978-5-91922-113-5.

Поступила в редакцию: 12.05.2023

Received: 12 May 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023